

Борис ЩЕРБАКОВ

Областной этнографический музей

«Охота с беркутом»

*Но возникнет образ в сознание твоём,
Если в каждое слово вникнешь сперва:
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот в чьем сердце прелесть охоты жива.
«Охота с беркутом». Абай, 1882*

Осматривая дом Абая, у экскурсовода спросил я: есть ли фотография поэта? Показали.

Абай в кругу семьи, с сыновьями. И вдруг, не знаю, как это случилось, но время властно уносит в прошлое: портрет оживает, крупный и грузный, в длинном чепане, сходит поэт с фотографии. Скрипнули двери. Морозный воздух белым медведем встал у порога. И все как обычно, Абай на коне, в малахее; за плечами бердана, с беркутом на руке. Взгляд горяч, но спокоен. Если говорят что: «какой русский не любит быстрой езды», такой же правдой будет - «какой казах не любит охоты с беркутом?».

В тот год долго, с нетерпением ждал Абай первого снега. Хотелось с молодой, обученной птицей выехать на лисиц... Лето все натаскивали его: учили, как брать рыжего зверя, как держать. И вот, наконец - степь в саване чистом... Охотник скачет по первому снегу в сторону гор Чингизтау.

«Будет ловок - добудет лису в горах»

Охотник и конь, и напарник и беркут,

И снега нетронутая полоса,

И где-то в кустах, незаметная сверху

И снизу, встревоженная лиса.

«Охота с беркутом». Абай, 1882

Ослепленный колпачком, ловит крыльями беркут крыльями ветер. Не знает, но помнит, что взят птенцом был в этих горах. Чует сердце его, что рядом родные горы. Ждет он полета, поддерживая равновесие взмахами. А беркутчи уже замечает на свежем снегу:

Лисы осторожной обратный след,

Обнаруженный чудом в горных кустах

Всадник с беркутом скачет во весь опор:

Направление следа замети взор.

И погнался он коня: угункул, пришпорил. Конь тоже горяч, скачет туда, где кончается нарыск звериный.

Цыганка

Каждая строка потом в стихотворении «Охота с беркутом», станет столь же изящной, как лисицей на свежем снегу прописанный след. Как лисий узор на первом снегу, лягут строки поэта на белых страницах. А следы - все бегут по пригоркам, в заросли, в скалы.

Но вот уж метнулось рыжее что-то, метнулось и скрылось.
«Писица!» - ёкнуло сердце: поправил поспешно сбившийся малахай.
Поб в испарине - вытер. А сердце не слушается, рвется вон из груди,
щеки как яблоки.

«Вот она вижу». Рванул колпачок, ослепленный сиянием снега,
закрутил головой беркут - ищет глазами добычу, но только горы в снегу,
черные скалы, да карагайник в логах, по щелям.

Охотник - вверху, а выжлятник - в долине.

И видит в укрытье звериный зрачок,
Как ловкий охотник на белой вершине
С глаз беркута стаскивает колпачок.

Засвистела камча и летит уж Абай, где мелькнуло пятно и ловит
крыльями птица морозистый ветер, а в груди закипала дикая страсть.
Конь! Он так медлителен, так неуклюж

Заметив добычу, когтистыми лапами толкнулся пернатый батыр,
расправил могучие крылья, взмахнул - раз другой, и полплыли горы под
ним, впереди высота.

Беркут машет крыльями, смотрит в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!» -
Так подумав, он взмоет к вершинам гор.

Гикнул охотник, крутит камчой и сам как орел уж летит, не разбирая
дороги. В азарте конь грызет удила, рвет жилы, хрипит. Вокруг тишина,
а сердце так громко стучит. Но слышались свист и жужжание
крыльев орлиных.

И беркут, прозрев, поднимается круто,
Крылом опираясь о небеса,
И смотрит глазами кровавыми люто,
Грозного беркута видит лиса.

Враги своей злобы и силы не прячут
Победы, по-своему, каждый хотят.
И к месту сраженья охотники скачут
Их кони, пластаясь по снегу, храпят.

«Будет зрелище! Ловчий нетерпелив» - напишет Абай о своих
переживаниях. А сейчас ноги его шпорят коня...

Прошло сто шестьдесят, как написаны были поэтические строки, но
и сейчас, за далью времени, все как прежде и с каждой зимой в горы
Чинггистау надевают такой же наряд, все также чисты и просторны
поля. Остаются, по-прежнему, не приручены горы. Все также мышкуют
там лисы и по-старинке за ними охотятся беркутчи.

Но не вздумает медлить беркут - батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков,
Зашумит он крылами, и засвистит,
И стремглав понесется из облаков.

Беркут - стрелой на добычу. Гудит и поет в крыльях воздух. Еще миг и упал он с высоты. Закрыл лисицу широченными крыльями; у зверицы белый оскал.

Кровавая битва не долго продлится.
Кому же победа отдаст ореол?
И - сорок ножей обнажает лисица.
И - восемь штыков выпускает орел.

Азартнее гонит гнедого Абай. От бьющего, встречного ветра на щеке заблестела слеза. Взор уперся в распадок, где держит беркут добычу.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы - богатыри.
Тот - небесный дикарь, та - дикарь земной.
Захотел человек, и вот дикари
Бьются насмерть. А снег ослепительно бел,
Черен беркут, лисица красна. Смотри!

Вовремя подоспел беркутчи к пернатому другу: под брюхом лисица. Завязалась борьба, - живая картина в контрастных цветах, и каждая грань в ней - совершенство правды жестокой.

Как будто им нет подходящего места
На ослепительно белом перу,
Где черный жених с ярко-рыжей невестой
Затеяли смертную эту игру.

Над Чингистау слышится клекот. Дальше все просто. Соскочил с коня беркутчи, бросил мяса кусок и отнял у птицы лисицу: «Хороша караганка - красна и пушиста!». Цокнул, осматривая рыжую с разных сторон. «Будет хорош малахай!». Приторочил добычу к седлу, по крупу похлопал коня. Но это не все. Но не просто же взята лисица, что-то от правды суровой в сердце запало... И в этот же вечер, на листах чистой бумаги пролился восторг, пережитого. И веками, потом, каждый, соприкоснувшись с абаевским «Беркутом», переживет, с ним вместе, чудно сотканную картину охоты.

Беркут смял и свернул ее под себя.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
Шестьдесят две хитрости лисьи разбив,
Победители стать на отдых не прочь!

Привычно надел он на беркута колпачок, подтянул ремешок на зашивке и ловко поддев на руку птицу, юношей взлетел на коня. Охота закончилась: повернул коня на кыстау, где «в блеске зари» пушистым хвостом струился над одиноким жилищем сизый дымок.

В морозистом небе все сильней распалась заря. Нос потускнела, примолкла, притихла. Подсинило снега. Тоскливо торчали ветром потрепанные ковыл.

И сердце твое удержаться не может
В нем кровь вдохновенья победа поет.
И мысли дурные тебя не тревожат.
И радость твой дух поднимает в полет.

Счастлив охотник. Красива лисица, а в глазах стоит все миг тот счастливой охоты. Все видится миг «падения» беркута с высоты. Все хорошо! Степь родная прекрасна без музыки и без слов, свободная от забот и грехов ликовала и пела поэта душа.

Не видна близоруким в степи трава,
 Не понять верхогляду мои слова,
 Но возникнет образ в сознание твоём,
 Если в каждое слово вникнешь сперва;
 Только истинный повчий меня поймет,
 Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива

Заслышав скрип и храп коня, залаяли, кинулись навстречу собаки. Окинув взглядом вечернее небо, выплеснувшем прощальные краски пожара, Абай подумав, что «Быть ветру назавтра» - с коня соскользнул.

Ощетинив загривки, ходили кругами около зверя, рыча и повизгивая, собаки, Абай занес беркута в зимник, где на деревянных штырях хранилось заветренное, подкопченное мясо; поставил берданку к стене и посадил на деревянный тогур любимую птицу. Снял колпачок, огладив бархатистые крылья, крикнул, чтоб накормили как надо.

И в час, когда небо густо усыпали звезды и успокоились все домочадцы, в свете семилинейки, поэт сидел у окна. И здесь, за столом, он снова «вернулся» в горы удачной охоты, где, как написал он: «в горах лисиц, что ягод в лесу». На белоснежный лист упала тень от руки, скрипящей гусиным пером и побежали торопливые строки. Поэт заново пережил всю картину охоты ушедшего дня. Бежало перо, - колыхалась на стене тень от его головы. Время за полночь, а в белоснежной, Великой степи, залитой звездным сиянием, долго-долго в окнах «Степного Гомера», мерцал огонек. И написаны были слова:

В брэнном мире нет мне занятыя милей,
 С беркутом я бы охотился всегда!

Абай работал. Я же стоял около птицы; орел наслаждался покоем, чистил упругие крылья и шумно время от времени встряхивался. Он не видел меня - разного времени мы. Зоркая птица незряче глядела сквозь годы

Смотрю снова на фотографию, где поэт в кругу семьи и смотрит он уже совсем не печально. Будто ни когда не оставлял своего места.

Теперь мы оба с ним знали великую тайну бывшей охоты.

